

Оригинальная статья / Original Article

DOI:

О заглавиях басен, или Кто главный в поэтическом мире графа Хвостова

© 2022 г. О. Л. Довгий

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник факультета журналистики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1
olga-dovgy@yandex.ru

Резюме. Статья продолжает серию публикаций автора о поэтике графа Д.И. Хвостова и посвящена заглавиям самой знаменитой хвостовской книги («Притчи», 1802 г.). Заглавия рассмотрены как важный элемент паратекста, как стройная система, органически связанная с остальными уровнями поэтического мира книги. Оглавление интерпретировано как ключ, который автор сразу предлагает читателю с целью дать общее представление о художественном мире книги и разделить «чтецов» на «своих» и «не своих». Статья состоит из двух частей. В первой заглавия, построенные по номинативному принципу, осмыслены как макрокосм и микрокосм, в их взаимных отражениях. Представлен опыт микрофилологической классификации заглавий, выявлены основные семантические группы (люди, звери, растения, природные явления, географические объекты, мифология) и подгруппы внутри каждого раздела (например, у людей — профессия, возраст, родство, физическое состояние и т.д.), ключевые оппозиции; отмечено отражение в заглавиях «любимых» хвостовских приемов (четыре комбинаторные операции, игры грамматики). Во второй части статьи представлен грамматический персонаж, активно вмешивающийся в стройную систему классификации заглавий и задающий собственные законы соединения элементов этой системы — союз «и». Непрерывная комбинаторная игра, полиперспективизм роднит хвостовский поэтический мир с миром эмблематики.

Ключевые слова: Д.И. Хвостов, притчи, заглавия, союз «и», эмблематика.

Для цитирования: Довгий О.Л. О заглавиях басен, или Кто главный в поэтическом мире графа Хвостова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 53–60. DOI:

On Headings of Paroemias: or Who is the Principal in Khvostov's Poetical World

© 2022 Olga L. Dovgy

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Faculty of Journalism
of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
9 Bld. 1 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
olga-dovgy@yandex.ru

Abstract. The article continues the series of author's publications on Count D.I. Khvostov's poetics and deals with the headings of the most famous Khvostov's book («Paroemi» of 1802). The titles are considered as an important element of the paratext, as a coherent system, organically connected with the other levels of the poetic world of the book. The table of contents is interpreted as a key that the author offers to the reader in order to give a general idea of the poetical world of the book and to divide the readers into «his

own” (“congenial”) and “not his own” (“the other”). The article consists of two parts. In the first one, the titles, constructed according to the nominative principle, are comprehended as macrocosm and microcosm, in their mutual reflections. The experience of microphilological classification of headings is presented, the main semantic groups (people, animals, plants, natural phenomena, geographical objects, mythology) and subgroups within each section (for example, for people – profession, age, kinship, physical condition, etc.), key oppositions are pointed out; the use of “favorite” techniques (four combinatorial operations, grammar games, etc.) in the titles is investigated. The second part of the article presents a grammatical agent, which actively intervenes in the coherent system of classification of titles and sets its own laws for connecting the elements of this system, – the conjunction “and”. Continuous combinatorial play, polyperspectivism makes Khvostov’s poetical world related to the world of emblematics and makes Count Khvostov one of the most emblematic authors.

Key words: D. Khvostov, paroemias, headings, conjunction “and”, emblematics.

For citation: Dovgy, O.L. *O zaglaviyakh basen, ili Kto glavnyj v poeticheskom mire grafa Khvostova* [On Headings of Paroemias: or Who is the Principal in Khvostov’s Poetical World]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 53–60. (In Russ.) DOI:

В V сатире Кантемира великий Пан посылает своих подданных – лесных сатиров – в город к людям с целью “смеху набраться”. С этой же целью в позапрошлом веке читатели, особенно собраты по перу, обращались к сочинениям графа Хвостова, награждая автора все новыми издательскими “королевскими” прозвищами (“король галиматый”, “король бессмыслицы”, “король графоманов” и т.д.). Больше всего “везло” “Притчам” 1802 года издания [1], где можно прочесть первозданные (еще не подвергшиеся авторской безжалостной правке) варианты басен¹.

Хвостов и сам не жалел иронии для описания своих поэтических опытов:

То, за отборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками... [2, с. 39]

Читать глагол “покрою” можно двумя способами: 1) “покрою” – случайно, по неумению писать; 2) “покрою” – по своей воле, играя с читателем.

Как театр начинается с вешалки – так книга начинается с оглавления².

На заглавия самой известной хвостовской книги тоже можно посмотреть по-разному. “Муж и Яйца”³, “Разбойники и Осёл”, “Устрица и два Прохожих”, “Нил и Собака”, “Эмпедокл и Туфли”, “Пустынник и Почести”, “Волк порука

за Оленя”, “Фонари и Звезды”, “Фортуна и Шелехи”, “Перун и Желатель” и т.д. – можно увидеть эти заглавия как врата в царство галиматый; как сигнал, что надо срочно сбыть с рук этот том.

А можно читать заглавия как карту хвостовского мира; искать систему – некие константы и внутренние связи между ними. Можно понимать заглавия как ключ, который сразу дает представление о художественном мире книги, позволяет намечать различные маршруты путешествия по ней; а самое главное – это разделение “чтецов” на “своих” и “не своих”, если пользоваться кантемировским принципом:

Чувствую сам, что тогда в своей воде плаваю
И что чтецов я *своих* зевать не заставляю... [3, с. 112].

Проведем эксперимент: не будем обращаться к самим басням, не будем заглядывать внутрь книги, а остановимся на оглавлении и прочитаем его медленно. Сразу нужно оговорить условия игры. Наш анализ будет основан исключительно на самих заглавиях, которые представляют нам связным текстом. Все наши интерпретационные ходы базируются на презумпции незнания, на остранении первого взгляда: на предположении, что мы никогда не читали ни одной хвостовской басни. При таком подходе заглавия – это верхушки 214 айсбергов, по которым мы попытаемся судить о том, что таится в глубине. Наверное, выводы из нашего умозрительного анализа Хвостова бы очень насмешили. А то и подвигли бы написать новую басню – что-нибудь вроде “Чтец и Басни”.

Тем не менее – обратимся к оглавлению.

Оно занимает целых 7 страниц. Какой “горизонт ожидания” формирует оно у потенциального

¹ Мы будем традиционно называть притчи баснями. В настоящей статье терминологические отличия, которые очень тонко чувствовал сам Хвостов, для нас не важны.

² В том случае, если как у Хвостова – оглавление предшествует основному содержанию. Статья написана на основе доклада, сделанного автором на конференции “Заголовочно-финальный комплекс” в апреле 2021 г. в РГГУ.

³ Мы сохраняем хвостовское написание абсолютно всех персонажей с заглавной буквы.

читателя? Весь том делится на четыре книги. Есть ли смысл искать логику и систему в их структуре? Ответ на этот вопрос попробуем сформулировать в конце статьи.

Всего в книге 214 басен: по 55 в “крайних” книгах (первой и четвертой) и по 52 в “центральных”: 55-52-52-55. Перед нами красивый цифровой хизм — скорее спонтанный. Хотя кто знает?

Заглавия всех басен построены по номинативному принципу: все заголовки — это имена персонажей. Принцип сочетания имен в заглавиях — бессоюзное перечисление и соединение с помощью союза “и”. Этот союз — самое частое слово в заглавиях: из 214 басен он встречается в 151.

Если искать какие-то константы в структуре заглавий, то логично предположить, что ими окажутся основные классы персонажей. Например, такие: **люди, звери, растения, вещи, природные явления, географические объекты, небесные тела** — словом, **макрокосм и микрокосм**. Отдельный блок составит **мифология**.

Количество басен в каждом разделе ясно дает увидеть приоритеты Хвостова: меньше всего растений, больше всего — зверей⁴. На втором месте по числу упоминания в заглавиях — люди. Уже по беглому количественному взгляду на заглавия можно сказать, что это книга в большой степени о людях и зверях, об их взаимных отражениях.

А дальше — можно заниматься микрофилологической систематизацией: классифицировать заглавия по самым разным признакам, выделять в каждом разделе группы и подгруппы. Каждое вынесенное в заглавие имя заслуживает внимания уже в силу своего положения как элемент паратекста.

В разделе “**Люди**”, например, увидим такие группы:

Профессии (“Мельник и его Мальчик”, “Дровосек и Смерть”, “Рыбак и Рыбка”, “Разбойники и Осел”, “Разбойники и Омут”, “Пустынник и Почести”, “Ритор и Болван”, “Буря и Вор”, “Табашник и Борей”, “Грабитель”, “Живописец”, “Пьяница и Вор”, “Сапожник и Врач”, “Учитель и Ученик”, “Сапожник и Откупщик”, “Учитель и Садовник”, “Кормчий и Матросы”, “Ескулапий и Больной”, “Пастух Обманщик”, “Звездослов

и Старуха”, “Три Вора”, “Прикашиков ответ”, “Оракул”, “Вор у самого себя”). Здесь много профессий творческих (сочинитель, живописец, оракул, звездослов), много занятий проблемных, с точки зрения закона, — вор, грабитель, разбойники, пьяница.

Возраст (“Старик и Три молодца”, “Старуха и две служанки”, “Старуха и Зеркала”). Очень много стариков (обоих полов) и много детей; оппозиция по возрасту одна из главных. Древний тоpos “puer-senex” [4, S. 110] у Хвостова разбивается на антитетические части.

Родство, семья (“Муж и яйца”, “Брат и сестра”, “Жених и две невесты”, “Мать и Сын Роскошный”).

Физическое состояние (“Зрячей и Слепой Умница”, “Два Плешивые”, “Безногой и Босой”, “Хромоногий и Находка”). Очень много физически ущербных людей (безногий, хромой, хромоногий, слепой); сравниваются здоровые с увечными и увечные между собой. В чью пользу будет результат? А еще — чем отличается “хромой” от “хромонового”? Может, и ничем — но вопрос в подсознании остается.

Черты характера (“Скупой и Пожар”, “Коварный и Собака”). Уже в заглавиях заявлено присутствие в мире обмана (“Пастух обманщик”).

Среди **зверей** найдем все традиционные зоологические классы (определяемые основным глаголом действия), внутри которых будут свои подгруппы и оппозиции:

ходят — млекопитающие и среди них хищники / травоядные, дикие / домашние;

летают — птицы (Орел, Сорока, Ворона, Соловей, Голуби, Коршуны, Павлин), осы, пчелы;

плавают — рыбы (Щука, Карась, Лещ);

ползают — змеи, пауки, червяки.

Все богатство фауны заявлено в заглавиях.

Среди зверей есть “любимые”, чей жизненный сюжет заглавия обещают в деталях — например, **Лев** (“Лев на ловле”, “Лев и Невеста”, “Лев и Мышь”, “Лев и Мудрая Змея”, “Лев и его Совет”, “Лев на картине”, “Лев состарившийся”, “Лев и Осел”, “Лев и Клоп”, “Лев и Заяц союзники”, “Лев и Волк”). Безусловно, Лев — это главный хвостовский зверь, к тому же астрологическая сигнатура поэта. Лев есть во всех четырех книгах.

Другой частый персонаж, тоже присутствующий во всех книгах, — **Лиса**. Хвостов почему-то предпочитает более длинное слово — “лисица”: (“Лисица и виноград”, “Лисица и Журавль”,

⁴ В силу установившейся в процессе проведения бестиарных конференций в РГГУ и издания бестиарных сборников традиции мы применяем слово “звери” абсолютно ко всем представителям фауны. В терминологии нашей с А.Е. Маховым “бестиарной школы”, и рыбы, и насекомые, и моллюски, и птицы — всё это звери.

“Кривая лисица”, “Лисица и Муха”, “Лисица и лисенок”, “Лисица и Козел”, “Две Лисицы и Судья Волк”, “Лисица и Медведь”).

Третий любимый персонаж — **Осел** (“Разбойники и Осел”, “Осел Звонарь”, “Осел в Львиной коже”, “Осел и Хозяин”, “Осел и Рябина”).

Сила (Лев), хитрость (Лисица), глупость (Осел) — важная триада в мире Хвостова. Эти ключевые звери образуют самые разные пары (часто и друг с другом) — и получают самые невероятные комбинации, выявляются разные оттенки их главных свойств.

Много заглавий, где фигурирует **Змея**. Это тоже любимый персонаж Хвостова. Ее главное качество — мудрость. По заглавию “Лев и Мудрая Змея” можно предположить, что мудрость преподает урок силе (и что Лев, в отличие от Змеи, мудростью не обладает). Но в заглавиях “Мужик и Змея”, “Змея и Пила” имплицитно заявлены и совсем другие свойства змеи — не столь похвальные.

Есть звери, упомянутые всего один раз — как иллюстрация оппозиции “редкое / обычное” (“Подагра и Паук”, “Летучая мышь”, “Сверчок”).

И так с каждым зверем: полиперспективизм (изменение смысла с переменной авторской точки зрения) позволяет выявлять разнообразие их “природ” (говоря языком средневековых bestiариев) и проявление этих “природ” в зависимости от комбинаторной ситуации. Совсем как в эмблематике⁵. Хвостов следует эмблематической традиции разбирать зверей на свойства, на “природы” — и затем из этих “кубиков” составлять постоянно переосмысляемые новые комбинации.

Среди зверей тоже встретим отношения **родства** — чаще всего это оппозиция “родитель / дети” (“Лещ и Лещата”, “Сука и Щенята”, “Лиса и Лисенок”), **определения черт характера** (“Верная Собака”, “Волчица завидливая”, “Лев и Мудрая Змея”). В мире зверей, как и в мире людей, много обмана, часты выступления под чужим обликом (“Ворона в Павлиных перьях”, “Осел в Львиной коже”).

Мир **вещей** тоже разнообразен — “Старуха и Зеркала”, “Факел и Свеча в Фонаре”, “Топор” (заглавий, где фигурирует топор в разных грамматических формах, в книге несколько), “Орел и

Стрела”, “Подушка и Лента”, “Шахматы”, “Птичка и Клетка”.

Есть процессы, события (“Сражение Мышей и Кошек”, “Гора в родах”, “Совет Мышей”, “Странствие в Храм Шастия”), есть игры (“Шахматы”, “Игра карт”). Даже болезнь подагра удостоилась быть вынесенной в заглавие (“Подагра и Паук”).

Чувства и свойства характера присутствуют в заглавиях как в виде олицетворений (“Любовь и Дурачество”), так и в виде определений (иногда субстантивированных) — причем применяются в равной степени к людям и зверям (“Мудрая Змея”, “Волчица завистливая”, “Хвастливая Лягушка”, “Коварный и Собака”, “Два Печальные”, “Верная Собака”).

Мир **природы** представлен тоже очень широко: погодные явления (“Солнце и Молния”, “Туча, Гора и Куча”, “Туча и Два Друга”), природные объекты (“Река и Ручей”, “Разбойники и Омут”, “Волки и Море”, “Озеро и Река”, “Корабль на море и Корабль на реке”), небесные тела (“Летучий Змей и Комета”, “Комета и неподвижная Звезда”, “Солнце и Молния”). Судя по заглавиям, в хвостовском мире нет луны.

И — разумеется — любимая хвостовская **мифология** (причем не только античная) присутствует в заглавиях. Боги и герои заявлены как активные участники действия в хвостовском спектакле (“Юпитер и Звери”, “Аполлон и Сатиры”, “Перун и Желатель”, “Фортуна и Дитя”, “Фортуна и Шелехи”, “Феб и Борей”, “Юпитер и Дача”, “Плутус и Геркулес”, “Табашник и Борей”). Ближе к мифологии подходят и заглавия, где фигурируют реальные деятели далекого прошлого (“Эмпедокл и Туфли”, “Софокл и его Доноситель”, “Сократов дом”, “Сократ и Вдовец”, “Эскулапий и Больной”). Есть и пара, составленная из божества и посвященного ему зверя (“Павлин и Юнона”).

В заглавиях ясно видно, что для Хвостова важна грамматика как инструмент описания мира. Так, нельзя не отметить

различия рода (“Орел и Стрела”, “Орел и Червяк” — “Орлица и Черепаха”, “Орлица, Веприца и Кошка”; “Курица и Петух”);

оппозицию единственного / множественного числа — причем в оппозицию могут быть поставлены как персонажи одного вида в разных баснях (“Жених и две невесты” / “Разборчивая невеста”, “Лев и Невеста”; “Петух и Лисица” / “Два Петуха”), так и в одной басне могут быть сведены разные персонажи — один в единственном, другой во множественном числе (“Старуха и Зеркала”, “Заяц и Собаки”, “Кот в муке и Мыши”, “Разбойники

⁵ О комбинаторных свойствах эмблематики много писал А.Е. Махов; см., например: [5]; [6]. В применении к поэтике графа Хвостова тему связи с эмблематической традицией открыл тот же Махов [7]. Мы по-прежнему считаем, что это лучшее из написанного о поэтике графа Хвостова.

и Осел"). В заглавиях много числительных "два" и "три" ("Два Друга", "Два лошака", "Две Сумы", "Два Плешивые", "Старик и три Молодца", "Старуха и Две Служанки"). Много ситуаций имманентного выбора — "Жених и две Невесты", "Устрица и два Прохожих", "Дом и Знатоки" и т.д.

Заглавия обещают: перед нами книга — об отношениях человека и мира, о взаимных отражениях макрокосма и микрокосма. Можно разбирать и классифицировать заглавия по самым разным признакам, все мельче и мельче. При таком углублении видны тонкие внутритекстовые связи. Отметим несколько любимых хвостовских приемов, которые сразу бросаются в глаза.

Установка на антитетичность.

В заглавиях читаются *универсальные оппозиции* ("слабый / сильный", "город / деревня", "хозяин / слуга", "женщина / мужчина" "старость / молодость" "ум / глупость", богатство / нищета, "жизнь / смерть" и т.д.) — каждая из них тоже может стать потенциальной основой читательского маршрута.

Антитезы образуются по разным признакам — шаблонность мышления сразу подсказывает критерии: "отцы и дети" ("Лещ и Лещата", "Сука и Щенята", "Лисица и Лисенок"), сила и слабость ("Дуб и Трость"), губитель и жертва ("Волк и Ягненок", "Рыбак и Рыбка"), жестокость и кротость ("Коршуны и Голуби"); оппозиция по месту жительства ("Городская и деревенская Мышь", "Корабль на море и Корабль на реке") и т.д.

А есть и скрытые антитезы — их маркером является число "два" в заглавии ("Два Друга", "Два Лошака", "Две Змеи", "Два Волка", "Две Печальные", "Два Петуха", "Два Плешивые", "Два Голубя", "Две Сумы"). Читательское ожидание подсказывает, что внутри всех этих пар должны открыться какие-то противоречия. А поскольку пары включают и людей, и зверей, и вещи — мысль о внутренней противоречивости как органическом свойстве всего сущего в подлунном мире приходит сама собой. А Хвостов еще мельче дробит: не только существительные как определенные классы оказываются вовлечены в игру антитез, но и прилагательные как обозначение качеств. "Две Печальные" или "Два Плешивые" притягивают к себе внимание — и заставляют ломать голову, о чем же пойдет речь. А вдруг там не антитеза, а рассказ о подобии? Ничего нельзя узнать — не заглянув внутрь.

Бинарность / триадность.

Кроме эксплицитно выраженной бинарности, есть и триадность: открытая, где Хвостов сводит

представителей как разных классов ("Павлин, Синица и Гусеница", "Орлица, Веприца и Кошка", "Хозяин, Перепелка и Рожь" — звери, птицы, насекомые, растения), так и одного ("Старик и Три Молодца" — люди) — и скрытая. Вернее, оппозиция "один / два" ("Жених и две Невесты", "Старуха и две Служанки", "Устрица и два Прохожих"), где "двое" явно выступают не как иллюстрация внутренних противоречий, а как единство двух представителей одного класса в споре с "одним", представителем другого класса. Работает ли здесь оппозиция "свой / чужой"? И если да — то кто оказывается чужим? Тоже по одним заглавиям не понять.

Синекдоха, оппозиция "часть / целое".

Звери "разбиваются" на части — и части тела выносятся в заглавия ("Заичьи уши"); иногда части тела вступают в оппозицию со всем зверем ("Олень, его Рога и Ноги"). Важность ушей в хвостовском мире видна уже в заглавиях, с ушами связана и оппозиция "наличие / отсутствие" ("Собака без Ушей").

4 комбинаторные операции.

Прибавление — персонажу добавляется какое-то неожиданное качество, заставляющее подозревать некий инвенционный поворот: "Кот в Муке и Мыши", "Мать и Сын Роскошный" — хочется задать вопрос "почему?" (Почему важно, что Кот — в Муке? Почему сын — роскошный?). Здесь, пожалуй, место и басням, где в заглавиях видна "скрытая триадность" (см. выше). Только важно понять — кто именно "добавлен": "один" или кто-то из "двоих".

Убавление — выносимое в заглавие отсутствие какой-то части тела ("Собака без ушей"), здесь же все увечные (хромые, слепые, плешивые). Мир, где такую роль играют ущербные персонажи, не может быть простым для интерпретации. "Зачем у Хвостова столько калек?" — и этот вопрос оседает в сознании при знакомстве с заглавиями.

Перестановка, перемена ролей: "Мужик и Осел" — "Осел и Мужик"; "Бык и Лягушки" — "Лягушки и Бык"; "Волк лекар" — "Журавль Лекар у Волка". Наличие нескольких примеров такого типа заставляет над ними "голову ломать и чудеса подозревать". В этом разделе явно видна оппозиция "доминанта / периферия" — например, в басне "Хвастливая Лягушка" лягушка, безусловно, является фокальным персонажем, как и в басне "Лягушка и Бык", где она названа первой; в басне "Мышь и Лягушка" фокус, скорее всего, переносится на названную первой Мышь, а в басне "Солнце и Лягушки" лягушки вообще

поставлены во множественное число и явно отправлены на периферию, т.к. доминантой является Солнце.

Замена: “Ворона и Сыр” (отсутствие лисы в заглавии и замену ее сыром невозможно не заметить).

“Внутренние зеркала”⁶, столкновение уровней RES/VERBA.

Змея — Летучий Змей; “Лев на Картина” — “Картина и Охотник Невежда”; “Комета и Неподвижная Звезда” — “Звездослов”; “Ритор и Болван” — “Болван и Богомольцы”.

В заглавиях присутствует тонкая суггестия: (“Волк Политик и Волк Правдивый” — предполагается, что политик в принципе неправдивый), внутренняя рифма (“Павлин, *Синица* и *Гусеница*”), неожиданно возникает просаподосис: “Лев и Осел” — “Осел и Мужик”.

Один из главных персонажей в заглавиях — Смерть: как под своим именем (“Дровосек и Смерть”, “Мор Зверей”, “Смерть и Божество Брака”, “Смерть, Красавица, Старик Богач и Мужик мудрец”), так и суггестивно (“Рыбак и Рыбка”, “Орел и Стрела”). Она подстерегает везде. И не только людей (“Мор Зверей”). Уже из заглавий ясно: притчи Хвостова — это совсем не веселое чтение.

Изменчивость, непредсказуемость, обманчивость мира, необходимость быть всегда на страже, не доверять миру, не пренебрегать слабыми и малыми, помнить об опасности от малых сих — и в этом тоже глубинная связь Хвостова с эмблематикой.

Басни для Хвостова — “своя вода” (снова говоря словом Кантемира), родная стихия; зевать “своих чтецов” он не заставит. Игру-путешествие в глубь заглавий можно продолжать и продолжать. Но ее можно также внезапно и закончить. Из нашего беглого экскурса видно, что система в заглавиях — есть. Мир вообще и поэтический мир Хвостова может быть микрофилологически классифицирован.

Звери у Хвостова постоянно дают человеку урок. Да и не только звери — все вещи, вся природа дают человеку урок внимательности к миру.

⁶ Под “внутренними зеркалами” мы понимаем повторы на разных уровнях текста; использование одних и тех же слов для обозначения разных, часто противоположных вещей и действий, — по принципу диафоры. Каждое слово, употребленное поэтом более одного раза, может быть рассмотрено как зеркало, в котором отражается какая-то грань поэтического мира произведения. Об этом см.: [8].

Но — уроки разные, в зависимости от ситуации; уроки одного и того же зверя, одной и той же вещи могут быть прямо противоположными [5, с. 54]. Из надписи эмблемы догадаться о ее смысле чаще всего невозможно: обманывать читательские ожидания парадоксальными поворотами — органическое свойство эмблемы: «Эмблематика использует и каталог свойств, созданный в античной “естественной истории” (вовлекая, впрочем, и новые свойства), и каталог значений, выработанный в средневековом бестиарии (создавая, конечно, и новые значения) — но именно использует, как используют словарь, чтобы из лексических единиц создавать предложение» [5, с. 68]. То же и с баснями Хвостова: пытаюсь предсказать развитие сюжета басни по заглавию, мы чаще всего ошибемся. Хвостов тоже использует древний бестиарный каталог — как алфавит. Какое он напишет слово — из заглавий не понять; нужно заглянуть в книжку⁷.

Но в мире есть и сила, обратная систематизации. Ее зовут Союз “и”.

Союз “и” — пожалуй, самый главный персонаж в системе заглавий (и в хвостовском мире вообще): он подчиняется только инвенционной воле автора. А она не знает границ. Этот союз может создавать вполне “классические” пары (“Волк и Ягненок”, “Рука и Перо”) — хотя кто знает, как повернется сюжет в этих “предсказуемых” баснях.

Хвостова мало интересуют персонажи сами по себе, без соотнесения с миром. Число притч, где в заглавии один персонаж, невелико. “Разборчивая Невеста”, “Грабитель”, “Груша с золотыми ветвями”, “Лев на ловле”, “Кривая Лисица”, “Осел Звонарь” — все эти заглавия, по сути, содержат имплицитные указания на других персонажей. Хвостова больше всего интересуют комбинаторные игры, соединения — и лучше, если соединяется несоединимое.

Союз “и” создает самые невероятные пары, на равных сводит персонажей из разных “разделов”: “Смерть и Божество Брака”, “Алмаз и Бриллиант”, “Факел и Свеча в Фонаре”, “Эмпедокл и Туфли”, “Пьяница и вор”, “Сапожник и Врач”, “Зрячей и Слепой Умница”, “Скупой и Пожар”, “Олень, его Ноги и Роги”, “Подагра и Паук”, “Корабль на море и Корабль на реке”, “Хромоногий и Находка”, “Дух и Перстень”, “Мельник и его

⁷ Условие сегодняшнего эксперимента — не выходить за рамки оглавления, не заглядывать внутрь, но об эффекте обманутого ожидания как одним из любимых приемов Хвостова, а также об упомянутом выше полиперспективизме нам пришлось писать: см.: [9].

Мальчик”, “Софокл и его Доноситель”, “Комета и неподвижная Звезда”, “Барин, Лошадь и Бык”, “Невеста и Часы”, “Щука и Уда”, “Солнце и Лягушки”, “Пустынник и Почести”.

При взгляде на эти пары пропадают последние тени сомнений в абсолютной принадлежности хвостовского мира к уровню VERBA, а вместе с ними — и основательность обвинений Хвостова в бессмыслице. Подобные странные пары постоянно возникают и в эмблематике: «Так, любимая гуманистами идея должного соединения быстроты и медленности на визуальном уровне передавалась соединением дельфина и якоря, <...> черепахи и паруса, стрелы и рыбы-прилипалы, <...> рака и бабочки, <...> быстро зреющего миндаля и “медлительной” ежевики, оленя и рыбы-прилипалы...» [7, с. 116].

В мире Хвостова царствует комбинаторика: 4 простых операции — прибавление, убавление, перестановка, замена — отвечают за постоянную изменчивость мира. Их действие ясно видно в заглавиях. Заглавия хвостовских басен — это мир во всех его случайных связях. Комбинироваться может все со всем — это главный закон хвостовского мира. Макрокосм и микрокосм постоянно отражаются друг в друге. А хвостовский басенный мир — отражает эти отражения. Причем на свой лад. Отражения отражений.

Что это напоминает? Конечно, мир эмблемы, в его причудливых комбинациях.

Писателя, которому свойственно “восприятие мира *sub specie emblemata*”⁸ в такой степени, как графу Хвостову, трудно найти. Заглавия хвостовской книжки — это фактически свод эмблем. Мы можем сколько угодно раскладывать и систематизировать — но в мире царствует союз “и”. И — никогда не знаешь, кого и с кем он соединит. И что из этого выйдет. Будьте начеку.

Такой ключ дает Хвостов системой заглавий “своему ттецу”.

“Беспрерывная комбинаторная игра является душой эмблемы”, — замечает А.Е. Махов [7, с. 118]. И душой хвостовского поэтического мира, — добавим мы. Хвостовская игра с читателем начинается с оглавления. Это весь хвостовский мир в миниатюре и яркая иллюстрация пушкинской формулы “А ты глубок, игрив и разен”.

Вернемся к началу. Перед нами оглавление хвостовской книжки. Можно заглянуть туда, чтобы “смеху набраться”. Можно ужаснуться неразберихе и галиматье в оглавлении и закрыть

книгу. Можно рассматривать хвостовскую систему во всех деталях и извлечь урок. Можно с горечью констатировать, что любой мир (и мир Хвостова не исключение) все равно обманет — поэтому лучше всегда быть начеку. Все варианты равноправны — вот такой ответ на заданный в начале статьи вопрос, стоит ли искать в заглавиях какую-то логику и пытаться предсказать по заглавиям содержание басен. Во время знакомства с заглавиями постоянно возникали вопросы; их накопилось немало. Для их разрешения необходимо прочесть все басни — причем не только линейно, от начала до конца, но и в разной последовательности. Иначе говоря, каждое “почему?” и “зачем?” может стать новой призмой для интерпретации, требует особого маршрута по книге. Будет ли у кого-то время и желание для серии таких путешествий? Вряд ли. Действительно, проще резюмировать: “Графоман — что с него возьмешь? И заглавия у него графоманские”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хвостов Д.И.* Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802. 230 с.
2. *Хвостов Д.И.* Полн. собр. стихотворений: [В 7 т.]. 3-е полное издание. Т. 3: Послания к разным лицам. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1829. 179 с.
3. *Кантемир А.Д.* Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф.Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Л.: Сов. писатель, 1956. 544 с. (Б-ка поэта, большая серия).
4. *Curtius E.R.* Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. 8 Aufl. Bern; München: Francke, 1973. 608 S.
5. *Махов А.Е.* Феномен книжной эмблемы: (подступы к пониманию) // Махов А.Е. Эмблематика: макрокосм. М.: Intrada, 2014. С. 5–127.
6. *Махов А.Е.* Свойства зверя: от античной “естественной истории” к эмблематике Ренессанса и барокко // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве. М.: Intrada, 2012. С. 84–96.
7. *Махов А.Е.* Это веселое имя Хвостов // Хвостов Д.И. Сочинения. М.: Intrada, 1999. С. 2–42.
8. *Довгий О.Л.* “Всегда я рад заметить разность...”: О “внутренних зеркалах” в “Евгении Онегине” // Палимпсест: Литературоведческий журнал. 2021. № 3 (11). С. 60–75.
9. *Довгий О.Л.* “А ты глубок, игрив и разен...”: Заметки о поэтике графа Хвостова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 24–40.

⁸ Формула А.Е. Махова.

REFERENCES

1. Khvostov, D.I. *Izbrannyye pritchi* [Selected Parables]. St. Petersburg, 1802. 230 p. (In Russ.)
2. Khvostov, D.I. *Polnoye sobraniye stikhotvorenij in 7 t. 3-e polnoye izdaniye. T. 3. Poslaniya k raznym litsam* [Complete Collection of Poems in 7 Volumes. 3rd Complete Edition. Vol. 3: Messages to Various Persons]. St. Petersburg, 1829. 185 p. (In Russ.)
3. Kantemir, A.D. *Sobraniye stikhotvorenij* [Collection of Poems]. Leningrad, 1956. 544 p. (In Russ.)
4. Curtius, E.R. *Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. 8 Aufl.* Bern; München: Francke, 1973. 608 S. (In Germ.)
5. Makhov, A.E. *Fenomen knizhnoj emblemy: (podstupy k ponimaniyu)* [The Phenomenon of the Book Emblem: (Approaches to Understanding)]. Makhov, A.E. *Emblematika: makrokosm* [Emblematika: Makrokosmos]. Moscow, Intrada Publ., 2014, pp. 5–127. (In Russ.)
6. Makhov, A.E. *Svoystva zverya: ot antichnoj “estestvennoj istorii” k emblematike Renessansa i barokko* [The Properties of the Beast: from the Ancient Natural History to the Renaissance and Baroque Emblem]. *Bestiarij v slovesnosti i izobrazitelnom iskusstve* [The Bestiary in Art and Literature]. Moscow, Intrada Publ., 2012, pp. 84–96. (In Russ.)
7. Makhov, A.E. *Eto veselye imya Khvostov* [This is a Cheerful Name Khvostov]. Khvostov, D.I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Intrada Publ., 1999, pp. 2–42. (In Russ.)
8. Dovgy, O.L. “Vsegda ya rad zametit’ raznost’...”: O “vnutrennikh zerkalakh” v “Evgenii Onegine” [“I am always glad to notice the difference...”: Interior mirrors in “Eugene Onegin”]. *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal* [Palimpsest. Literary Journal]. 2021, No. 3 (11), pp. 60–75. (In Russ.)
9. Dovgy, O.L. “A ty glubok, igriv i razen...”: *Zametki o poetike grafa Khvostova* [“And You are Deep, Playful And Different...”: Notes on the Poetics of Count Khvostov]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 79, No. 5, pp. 24–40. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 5 сентября 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 29 сентября 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on September 5, 2022

Revised on September 29, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022